Алхимик на зарплате

Часть 2

Инструменты, которые не гладят по голове

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лера Алма Рун

Алхимик на зарплате: Инструменты, которые не гладят по голове 2 часть

«Автор»
2026

Алма Рун Л.

Алхимик на зарплате: Инструменты, которые не гладят по голове 2 часть / Л. Алма Рун — «Автор», 2026

Закреп висит, комментарии подбираются к живому — и Алхимик обнаруживает неудобную правду: вести блог «Опять ретроград» труднее, чем разливать утешение по чашкам. Читатели приносят не «тайные знания», а натальные карты, сметы и руны — и один и тот же вопрос: «скажи, что мне делать».Каждый день приходится выбирать между выгодной мистикой и честным «я не знаю».Здесь Алхимик разбирает собственные инструменты: таро, которое не обязано быть службой спасения,руны, которым запрещено торговаться за хозяина, расклады на вопрос, который страшнее любой колоды. У блога появляется менеджер, Вера учится выставлять счёт за своё время, а сама Алхимик делает то,чего избегала дольше всего: платит психологу, поднимает цену консультаций и впервые выясняет отношения не с транзитами, а с арендодателем.И финал,которого не обещал ни один пост: решение, которое не выпадает из колоды, — но меняет всё.О разнице между инструментом и зависимостью — и о том, как перестать гладить по голове: ни читателей, ни себя.

© Алма Рун Л., 2026
© Автор, 2026

Лера Алма Рун
Алхимик на зарплате: Инструменты, которые не гладят по голове 2 часть

Глава 1

Как читать наталку и не превращать её в приговор

В четверг, когда я собиралась объяснить читателям, что я делаю с символами, первая натальная карта этой мастерской лежала на столе, прижатая квитанцией за электричество.

На улице шёл дождь. Из оконного уплотнителя тянуло так, будто прежний арендатор оставил мне в наследство небольшой персональный ноябрь. Чайник щёлкнул, погас и больше не подавал признаков жизни. Часы на стене отставали на семь минут, и я, как всегда, не собиралась их исправлять. На столе лежали блокнот, огрызок карандаша и распечатанная схема неба в тот момент, когда человек ещё ничего не успел сделать, но ему уже приготовили несколько объяснений на всю оставшуюся жизнь. Колода с выцветшей лентой осталась на краю стола; сегодня я её не трогала.

— Здесь видно, что у меня не получится с отношениями? — спросила Нина.

Вчера под первым постом она спросила, не кармическая ли у них связь. Я обещала ответить завтра. Вместо ответа приехала она — с распечатанным небом.

Нина сидела на краешке стула, не снимая пальто, и держала телефон экраном вверх. Он время от времени освещал ей ладонь, но нужное сообщение, судя по выражению лица, не приходило.

— Здесь видно, что ты принесла карту, — сказала я. — Про отношения придётся поговорить отдельно.

Нина улыбнулась вежливо. Так улыбаются человеку, у которого заплатили за тайное знание, а он начинает с очевидного.

До этого она побывала на нескольких консультациях: её называли слишком сложной для обычного мужчины, советовали научиться терпению и обещали непростой период, который следовало пережить, не предпринимая резких действий.

Период шёл второй год.

Мужчина появлялся, исчезал, возвращался со словами, что сейчас не может ничего обещать. Нина обещала за двоих. Потом искала причины, по которым его отсутствие следовало понимать как особую форму присутствия.

— Мне сказали, у меня такой сценарий, — произнесла она. — Я всё равно выбираю недоступных.

Я подвинула к ней чашку — свою, с трещиной у ручки.

— Часто выбираешь или обязана выбирать до конца жизни?

Она посмотрела на карту так, словно ответ был напечатан мелким шрифтом возле Сатурна.

У красивых объяснений есть неприятная особенность: они незаметно меняют грамматику. Сначала человек говорит: «Мне бывает трудно доверять». Потом: «Я человек, которому трудно доверять». А через некоторое время: «Я не могу доверять, у меня так устроено».

Наблюдение превращается в удостоверение личности. Удостоверение — в пропуск мимо собственной ответственности.

Я не верю, что усилием воли можно отменить любую привычку или пережитый опыт. Но между «мне трудно» и «мне запрещено самой природой» лежит пространство, в котором ещё можно что-то сделать.

Натальная карта часто занимает это пространство целиком.

Особенно если читать её как приговор.

Мне нравятся символические системы: непривычный образ иногда выводит разговор из протоптанной колеи. Человек вдруг начинает говорить о доме, в котором нет дверей, и в этом образе обнаруживаются слова, которых прежде не было.

Но образ не становится доказательством оттого, что помог заговорить.

Астрология не является научно подтверждённым способом определять характер, диагностировать расстройства или предсказывать судьбу. Я проговариваю это до начала разбора. Не шёпотом после оплаты и не мелкими буквами там, где обычно прячут неудобные условия.

Если мы используем карту, то используем её как повод для вопросов. Не как экспертизу личности.

Я не стану говорить женщине, будто она обречена на одиночество, а мужчине — что он от природы не способен на верность. Не буду объяснять чужое насилие сложной конфигурацией планет. Небесная схема не присутствовала при разговоре на кухне: она не знает, кто что пообещал и кто запер дверь.

— Но совпадения ведь бывают, — сказала Нина.

— Бывают. И точные формулировки бывают. Только нам ещё нужно понять, что именно совпало.

Люди замечают то, что подтверждает уже сложившееся представление о себе. «Вы нуждаетесь в близости, но боитесь потерять свободу» — фраза, под которую поместится половина вагона метро. В этом нет глупости: есть нормальная работа внимания и желание найти связную историю о собственной жизни.

Проблема начинается, когда связность принимают за истинность.

— То есть всё, что мне сказали, надо выбросить?

— Не обязательно. Можно перестать считать это законом.

— А если связь всё-таки кармическая?

— Тогда это по-прежнему связь с человеком, у которого есть телефон, — сказала я. — Кармическая связь — это описание. Иногда полезное. Но из него не следует расписание сообщений.

Объяснение, на котором человек держался долго, бывает не только клеткой, но и поручнем. Выдернуть его со словами «теперь будь свободной» — не помощь, а способ оставить человека посреди лестницы.

Мы начали с фразы про недоступных мужчин.

— В каких отношениях это было? Во всех? Что именно ты называешь недоступностью? Когда замечаешь её впервые? Что делаешь после?

Вместо судьбы появились подробности.

Оказалось, Нина замечала чужую холодность очень рано — просто считала, что хорошие отношения нужно заслужить терпением. Тепло и прямота настораживали: слишком легко, наверное, несерьёзно. Дистанция запускала знакомую работу.

Догадаться. Подстроиться. Не перегрузить. Стать той, ради которой он всё-таки изменится.

Это уже было не небесное предписание. Это была узнаваемая последовательность действий.

С последовательностью можно работать — иногда самостоятельно, иногда со специалистом. Но она хотя бы состоит из того, что происходит в жизни, а не из мистической печати на лбу.

Я тоже попадалась на удовольствие от окончательных формулировок.

Когда-то говорила о себе: «Мне трудно с устойчивостью». Звучало гораздо благороднее, чем: «Я набираю больше работы, чем могу выполнить, потому что боюсь отказать и остаться без денег». Первая версия позволяла смотреть в окно с трагическим лицом. Вторая требовала открыть календарь.

Календарь вообще редко выигрывает конкурс на самый загадочный предмет мастерской. Зато умеет портить настроение с документальной точностью.

Нине я предложила не отказываться от карты, а изменить способ обращения с ней.

Если символ вызывает мысль «я слишком чувствительная», стоит спросить, в каких ситуациях чувствительность помогает, а в каких превращается в перегрузку. Если возникает фраза «я не умею говорить о желаниях» — вспомнить хотя бы один случай, когда всё-таки получилось. Исключения возвращают человеку объём.

Человек всегда больше удачной трактовки.

Даже той, от которой по спине пробежали мурашки.

Особенно той.

На полях мастерской

Выбери одну фразу о себе, которая звучит как приговор: «Я всегда всё порчу», «Мне не дано зарабатывать». Перепиши её как описание конкретной трудности: в какой ситуации это происходит и что именно ты делаешь. Затем добавь один случай, когда было иначе. Результат — три предложения вместо одного пожизненного определения.

Когда Нина ушла, на столе остался влажный след от чашки.

Я подняла натальную карту. Квитанция отпечатала на ней едва заметную серую полоску — между домами, аспектами и линиями теперь лежала стоимость электричества.

Редкий случай, когда у меня не возникло вопросов к трактовке.

Я достала конверт с колонками — и вернулась к собственной фразе: «Мне трудно с устойчивостью». Прочитала вслух, как читала Нине чужие. Получилось так же благородно и так же бесполезно. Под ней я написала: беру больше работы, чем могу выполнить, потому что боюсь отказать и остаться без денег. Ниже — случай, когда было иначе: в марте сказала «нет» на проект, который не потянула бы, и никто не умер.

Три предложения. По-прежнему некрасиво. Но теперь они мои, а не чей-то приговор.

И впервые не почувствовала желания добавить что-нибудь многозначительное про Сатурн.

А вот пост про символы в тот четверг я так и не написала. Готовое объяснение звучало примерно так: «Не тот транзит». Проще говоря: не теперь, не сейчас, потом. Нинино «непростой период» — только в собственном исполнении.

И дописала в конверт, в третью колонку: «Написать пост в субботу. До этого — ничего не загадывать на Меркурий».

Глава 2

Падающий Марс и культ потенциальности

В пятницу, за день до обещанного поста, Егор принёс папку.

Он нашёл мастерскую через блог: написал, что прочитал первую запись и узнал в ней себя. Папка была толстая, на кольцах, с цветными разделителями. Такие папки вызывают доверие ещё до того, как их откроешь. Кажется, что внутри непременно находится порядок, который не успели внедрить только потому, что человечество отвлекалось на менее важные дела.

Внутри находился проект.

Точнее, проекты одного проекта за последние полтора года. Кофейная мастерская. Затем пространство для камерных встреч. Потом авторская студия, соединяющая кофе, керамику и «новую культуру присутствия». Я не стала спрашивать, что случилось со старой.

— Я понимаю, что у меня проблема с запуском, — сказал Егор. — Мне объясняли: Марс в падении. Энергия плохо выходит в действие.

Он говорил без жалобы. Скорее с облегчением человека, у которого наконец обнаружилась уважительная причина не делать страшное.

В традиционной астрологической терминологии у Марса действительно есть положение, которое называют падением. Но техническое название внутри символической системы не доказывает, что чья-то способность действовать испорчена при рождении.

Тем более оно ничего не говорит о том, сколько раз человек отправлял предложение арендодателю и почему закрыл письмо, не дописав последнюю строчку.

— Что ты уже сделал? — спросила я.

Егор открыл папку.

Там были палитры, варианты названия, портреты целевой аудитории, фотографии помещений и три концепции логотипа. В одной чашка превращалась в восходящее солнце. В другой солнце превращалось в чашку. Третья, судя по всему, объединяла опыт первых двух.

— А что из этого существует за пределами папки?

Он помолчал.

— Пока ничего.

Я знала это «пока».

Оно мягкое. В нём можно жить годами, не испытывая ощущения окончательного отказа. Не «я не делаю», а «я ещё готовлюсь». Не «я боюсь проверки», а «мне нужно дозреть». Не «я не знаю, нужен ли кому-то мой продукт», а «я пока не хочу выпускать сырой».

Подготовка бывает необходимой. Без неё люди теряют деньги, нарушают договорённости и узнают о технических требованиях в тот момент, когда уже внесли невозвратный залог.

Но подготовка также умеет изображать движение.

Особенно если она приносит приятное чувство собственной будущей значительности.

Пока проект не запущен, он совершенен. В нём нет недовольного клиента, непонятной цены, сорванного срока и вопроса, почему в реальности всё выглядит скромнее, чем в голове. Будущий ты невероятно работоспособен. Он встаёт рано, не отвлекается, умеет договариваться и загадочным образом больше не боится отказа.

Настоящий ты тем временем выбирает шрифт.

— Что случится, если ты отправишь предложение и тебе откажут? — спросила я.

— Придётся искать другое помещение.

— А ещё?

Егор посмотрел на папку.

— Получится, что я уже начал.

Вот это было ближе.

Начало лишает человека непроверяемой потенциальности. После него появляются цифры, сроки, конкретные ответы. Можно обнаружить, что тебе не нравится выбранное дело. Что идея требует пересмотра. Что ты не гениален с первой попытки, а просто учишься.

Для некоторых это тяжелее, чем ещё один вечер сожалеть о несостоявшемся рывке.

В сожалении хотя бы сохраняется образ того, кем ты мог бы стать.

Я узнавала Егора слишком хорошо.

Записка «написать пост в субботу» лежала у меня под блокнотом: мой собственный «пока» ещё не истёк. Перед первым постом в блоге я трижды меняла обложку сообщества. Потом решила, что без закреплённой навигации публиковаться рано. Потом занялась описанием услуг, которые ещё никто не просил. Потом обнаружила, что слово «мастерская» плохо смотрится в выбранной гарнитуре.

К тому времени я могла бы написать небольшую книгу о препятствиях между человеком и кнопкой «Опубликовать».

Сам текст лежал готовый.

Я не нуждалась в ещё одном дизайнерском решении. Мне нужно было выдержать возможность, что публикация останется без ответа. Или получит ответ, который мне не понравится.

Назвать это особенностью натальной карты было бы приятно. Но мой палец всё равно должен был нажать клавишу.

Разумеется, не всякое бездействие связано со страхом оценки. У человека может не быть денег, сил, безопасных условий, необходимого навыка. Длительные трудности с началом и завершением задач иногда требуют разговора со специалистом, а не бодрого совета собраться. Я не выдаю слово «прокрастинация» за универсальный диагноз и не считаю истощение недостатком характера.

Поэтому мы с Егором не стали обсуждать его лень. Мы стали выяснять, какой именно участок работы застрял.

Выяснилось, что открыть пространство целиком он сейчас не мог: не хватало средств и понимания расходов. Зато мог провести небольшую платную встречу в уже существующей кофейне. Для этого требовалось узнать условия аренды на один вечер.

Не разработать философию присутствия.

Не доказать право на собственное дело.

Узнать условия.

— Я могу написать сегодня, — сказал он.

— Можешь. Только не обещай мне новую жизнь к понедельнику.

Он рассмеялся, но затем снова стал серьёзным.

— А если маленькими шагами я никогда не сделаю ничего большого?

Я посмотрела на папку, где большое уже полтора года оставалось совершенно неподвижным.

Маленькие действия не гарантируют крупного результата. Это ещё одна вещь, которую полезно говорить без рекламной музыки. Можно регулярно делать работу и столкнуться с неудачной идеей, неподходящим рынком, случайностью, чужим отказом. Действие не даёт человеку власти над всем.

Оно даёт сведения, которых не было в фантазии.

В этом его скромная, почти оскорбительная ценность.

Письмо может принести ответ. Ответ — условия. Условия — возможность посчитать. Расчёт — решение, стоит ли продолжать. Каждая следующая ясность менее торжественна, чем великий рывок, зато не требует притворяться уже состоявшимся человеком.

Егор закрыл папку.

— Мне хочется сначала рассказать знакомым, что я наконец решил.

— А зачем?

Он задумался.

— Чтобы стало настоящее.

Мне было знакомо и это. Рассказать иногда действительно помогает получить поддержку или договориться об ответственности. Но иногда чужое одобрение становится авансом за ещё не выполненную работу. Тебя поздравили, ты почувствовал себя человеком дела, и на саму работу почему-то осталось меньше внутренней необходимости.

Сегодня Егор выбрал попробовать без объявления.

Не навсегда отказаться от поддержки. Просто один раз не заменять завершение рассказом о намерении.

На полях мастерской

Выбери одну небольшую задачу, которую можно закончить за десять минут и проверить по внешнему признаку: письмо отправлено, запись оформлена, файл передан. Выполни её до того, как расскажешь о намерении. Не «позаниматься проектом», а получить один законченный результат.

Вечером Егор прислал короткое сообщение:

«Написал. Мне ответили. Можно в среду посмотреть зал».

Следом пришло второе:

«Там всё не так красиво, как я представлял».

Я улыбнулась. Реальность наконец согласилась участвовать в проекте — и, как обычно, явилась без согласования визуальной концепции.

Потом посмотрела на записку под блокнотом. Мой собственный «пока» заканчивался завтра.

Я открыла ноутбук, нашла черновик про символы и вместо того, чтобы в очередной раз переписывать вступление, дописала концовку. Перечитала и не стала править.

Не идеально. Зато существующая за пределами папки.

Глава 3

Таро: зеркало, а не служба спасения

В субботу утром я опубликовала пост.

Тот самый, про символы, обещанный читателям ещё в четверг. Концовку не переписывала, обложку не меняла, шрифты не сверяла — искушение заходило, но я отправляла его без чая и переговоров.

Заодно я заполнила описание сообщества. Оно пустовало с запуска: страница существовала, но молчала, как мастерская с закрашенной вывеской. Написала и закрепила сверху:

«Добро пожаловать в Опять ретроград — место, где эзотерика наконец-то сняла белые одежды просветления, надела чёрный худи и сказала всё, о чём обычно молчат вежливые астрологи.

Если вы ждёте розовых аффирмаций, денежных восьмёрок на запястье и историй о том, что нужно просто дышать маточкой и посылать лучи добра бывшим, — двери открыты, выход прямо за вами.

Здесь будет: беспощадная натальная астрология. Таро без жалости. Психология с перцем. Эзотерический реализм.

Мы не обещаем, что тебе будет комфортно. Но обещаем, что будет чёртовски точно, смешно и отрезвляюще».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.